

РЕЦЕНЗИЯ НА: *From Europe's East to the Middle East
Israel's Russian and Polish Lineages*

PHILADELPHIA: UNIVERSITY OF PENNSYLVANIA PRESS, 2021

REVIEW OF: *From Europe's East to the Middle East
Israel's Russian and Polish Lineages*

PHILADELPHIA: UNIVERSITY OF PENNSYLVANIA PRESS, 2021

© 2022 Александр Ефимович Локшин

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Отдел по изучению Израиля и еврейских общин, Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия; ale-lokshin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0682-0267

Aleksander E. Lokshin

PhD (History), Senior Research Fellow, Israel and Jewish
Studies Department, Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia; ale-lokshin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0682-0267

В рецензии рассматривается коллективная монография ряда историков Израиля, США, Японии, Польши и Венгрии. Книга посвящена анализу взаимовлияния политических и культурно-религиозных процессов в еврейских общинах, общественных настроениях и в политике властей в Польше, Российской империи, Советском Союзе с начала XIX до конца XX вв. на развитие сионизма и еврейской общины в Палестине, и общественно-политической и религиозной жизни государства Израиль, с одной стороны, и еврейской общины и государства Израиль и евреев диаспоры в этих странах — с другой. Именно такой подход открывает новые перспективы и для лучшего понимания идеологии сионизма и различных аспектов жизни современного Израиля.

Ключевые слова: антисемитизм, Евреи в Польше, Евреи в России, Евреи в Советском Союзе, Израиль, сионизм, эмиграция

Для цитирования: Локшин А. Е. Рецензия на: *From Europe's East to the Middle East. Israel's Russian and Polish Lineages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 4. С. 252–263. DOI: 10.18254/S268684310023816-5

The review considers a collective monograph by several historians from Israel, the USA, Japan, Poland, and Hungary. The book focuses on the analysis of the mutual influence of various political, cultural,

and religious processes that took place in the Jewish communities, public sentiments, and the policy of the authorities in Poland, the Russian Empire, and the Soviet Union from the beginning of the 19th to the end of the 20th centuries on the development of Zionism and the Jewish community in Palestine and the socio-political and religious life of the state of Israel, on the one hand, and the Jewish community and the State of Israel on the Jews of the Diaspora in the same countries on the other hand. It is this approach that opens up new perspectives for a better understanding of the ideology of Zionism and various aspects of the life of modern Israel.

Keywords: antisemitism, emigration, Jews in Poland, Jews in Russia, Jews in the Soviet Union, Israel, Zionism

For citation: Lokshin Alexander E. Review of: *From Europe's East to the Middle East. Israel's Russian and Polish Lineages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021. *Oriental Courier*. 2022. No. 4. Pp. 252–263. DOI: 10.18254/S268684310023816-5

В книгу «С Востока Европы на Ближний Восток. Российское и польское наследие Израиля» вошли статьи историков США, Израиля, Японии, Польши и Венгрии. Во Введении редакторы, они же и авторы нескольких статей рецензируемого тома: профессор Кеннет Мосс (Kenneth V. Moss, Чикагский университет), профессор Бенджамин Натанс (Benjamin Nathans, Пенсильванский университет) и д-р Таро Цуруми (Taro Tsurumi, Токийский университет) отмечают, что в общепринятом дискурсе Израиль часто представляется как анклав Запада на Ближнем Востоке или как «регион единственной демократии», «наследие европейского колониализма» [*From Europe's East to the Middle East*, 2021, p. 1]. Многие исследователи пишут об Израиле и сионизме в контексте западных и центрально-европейских траекторий¹.

Еврейское национальное сознание представляется как реакция на возникновение европейского национализма и подъем новых форм радикального антисемитизма. Восприятие Израиля в контексте этих исторических траекторий и что, особенно важно, палестино-израильский конфликт сегодня в значительной мере рассматриваются как борьба между национально-ориентированными Палестиной и Израилем. Закон, принятый в июне 2018 г. Кнессетом, утверждает, что право на националь-

ное самоопределение в Израиле «принадлежит еврейскому народу».

Взгляд на Израиль как на «западный анклав», отмечают авторы, не находит какого-либо подтверждения в исторической действительности. Большинство деятелей, боровшихся за создание израильского государства, — евреи, приехавшие в Палестину до 1940-х гг. Они родились и выросли в Восточной Европе, на территориях, которые в настоящее время занимают Польша, Литва, Белоруссия, Украина, Румыния, Молдова и, частично, Россия. Они были продуктами особой восточноевропейской еврейской культурной формации, как и особого восточноевропейского пути к современности. В многонациональных государствах, выходцами из которых были многие основатели и строители еврейского государства, крайне слабо представлены характерные для западных стран демократические институты. Один из дискуссионных вопросов научного сообщества — «Как восточноевропейские евреи за одно поколение могли заложить основы демократического общества?». Авторы книги исходят из предположения, что многое в истории сионизма, так же, как и в жизни еврейской общины — *ишува* в Османской и Британской Палестине, истории самого Израиля нельзя понять, если не принимать во внимание их восточноевропейскую родословную. И вме-

1 См., например, фундаментальный труд: *A History of the Jewish People*. Ed. by H. H. Ben-Sasson. Harvard: Harvard University Press, 1976. — 1170 p.

сте с тем, исследователи могут оказаться в западне, если будут представлять историю еврейской жизни в Палестине и Израиле всего лишь как продолжение восточноевропейских политических и культурных идеалов и конфликтов, и их реализацию в ничем не заполненное общественное пространство.

Авторы призывают обратить внимание к восточноевропейскому еврейству, истории сионистского движения, при этом не стремясь создать иную версию общепринятого нарратива. Тем не менее исследователи осознают, что при изучении истории сионизма, *ишува* в Палестине и государства Израиль нельзя игнорировать историю восточноевропейского еврейства. Сионизм, считают исследователи, был сформирован особым видом еврейского колониального состояния, связывающим его абстрактную культурную историю с националистами в странах исхода. Однако связующие нити между этим явлением и теми, кто основал государство Израиль и определял его политику, как в отношении евреев, так и палестинцев, остаются едва заметными. Один из способов сделать эти нити видимыми — обратиться к транснациональной истории. Этот подход выдвигает на первый план обращение к вопросам политического и духовного наследия народных масс, миграционным потокам, действующим поверх традиционных национальных границ. Подобный феномен, конечно, не является чем-то новым в еврейской истории. Сионистское движение, возникшее как реакция на ситуацию с евреями в России и Центральной Европе, в период между двумя мировыми войнами оказалось вовлеченным в британскую имперскую политику. И хотя еврейская политика того времени все более ориентировалась на США, она не могла не учитывать польские и российские реалии.

В статье профессора Нью-Йоркского университета Дэвида Энгеля (David Engel) «Польское наследие Израиля» автор обращается к анализу польского национализма в период между двумя мировыми войнами. Польское государство должно было служить одновременно исполни-

телем общего блага, которое могло бы включать всех граждан Польши, хранителем собственности польского народа и потребностей ее истинных владельцев. Энгель показывает, как в своем взаимодействии с польским этнонационализмом, сионисты не только противостояли, но и подражали ему. Польский национализм оказался хорошо приспособленным к идеологическим потребностям сионистского движения, стремившегося и к некоторым формам надэтнического государства и демократии. Сионизм разработал агрессивную программу соответствующего институционального строительства, изъятия земли, экономического развития, культурного перевоспитания, и этнического самоопределения для еврейского большинства в Палестине и Израиле. Можно предположить, что многие исследователи, обращающиеся к вопросу о том, как сменявшие друг друга израильские правительства обращались с палестинскими арабами в Израиле (в сравнении с тем, как они относились к еврейскому населению), прочитав статью Энгеля, испытают потрясение. Для палестинцев как в Израиле, так и для находившихся на оккупированных территориях, вопрос о том, живут ли они при западноевропейской или польской модели этнонационального государства, может показаться академическим. Тем не менее, у историков есть веские основания, считают авторы этой книги, заняться вопросом о том, как восточноевропейские «решения» проблемы примирения: этнический национализм, и сам факт мультиэтнической принадлежности, сформировали сионистские методы по отношению как к евреям, так и к арабам.

Одна из тем книги — изучение привнесённой в Палестину, а затем и в Израиль восточноевропейской идеологической модели, ее влияния на еврейские светские и религиозные движения. В этом же томе предпринята попытка переосмысления истории самого сионизма. Авторы многих статей касаются вопроса, как это транснациональное движение формировало и видоизменяло проблемы еврейской жизни за целую эпоху в Восточной Европе и Палестине

со времени зарождения палестинофильского движения в 1881 г. до начала уничтожения восточноевропейского еврейства в 1941 г. Историю сионизма долгое время изучали через идеологические конфликты в самом движении. Историки рассматривали вопросы о том, что представлял собой длительный конфликт между «политическим» и «культурным» сионизмом или между «буржуазными» сионистами и теми, кто сочетал сионизм и социалистические идеи, или между светскими и религиозными течениями. Восточная Европа *fin-de-siècle* переживала особенно быстрые и мучительные перемены в социальной, экономической, культурной и политической жизни еще до войны и имперского коллапса в результате кризиса 1914–1921 гг. Российская интеллигенция и интеллектуалы в странах Восточной Европы основную часть социальной энергии направляли на восприятие Запада. Проекты современности формировались в связи с первоначальным импульсом к «вестернизации». Это в большей степени касалось и сионизма.

В Восточной Европе было немало этнических образований, отличавшихся высокой конфликтностью задолго до возникновения современных националистов. Политическая структура, при которой евреи жили до Первой мировой войны, — сложное сочетание вмешательств имперских правительств (часто с результатами, совершенно отличными от тех, которые предполагало государство) и сохранявшейся традиционной общинной системы *кагал*, которая продолжала формировать еврейскую повседневную жизнь. Возникающие городские и государственные структуры были пронизаны противоречиями, характерными для проекта модернизации автократического государства и новых форм этнополитики.

В позднеимперской России этническая идентичность продолжала определяться и профессиональными различиями: **евреи были не просто этническим и религиозным меньшинством, но одновременно сословием торговцев, владельцев магазинов и ремесленников** во все еще преимущественно аграрном обще-

стве. **Начиная с конца XIX в. эти различия становились все более политизированными.** Восточноевропейские евреи жили на более сложной территории этнических антагонизмов и зарождающегося национализма, чем их западные соседи. В царской России это русский имперский национализм, польский и украинский национализм. При этом евреи страдали и от антисемитского насилия. Сионисты, с одной стороны, реагировали на подобный множественный национализм и насилие, но, с другой стороны, подражали ему. Более того, этой отличительной социально-политической матрице соответствовала культурная ситуация, совершенно не похожая на ситуацию с западноевропейскими евреями. В то время, как евреи Западной и Центральной Европы в XIX в. были частью **общевропейского буржуазного *Lebenswelt***, евреи Восточной Европы столкнулись с модерном как обитатели отдельной сферы **религиозно-культурных практик, верований, норм и нарративов**, пребывавших в глубоком противоречии с современностью. Они пережили эпоху войны и революции, прошли через мучительную политическую трансформацию, не похожую на ту, с которой столкнулись западноевропейские соплеменники. В Восточной Европе произошел внезапный переход от имперского подчинения к новому миру национальных государств, для которых существование меньшинств было не только данностью, но и создавало проблемы.

Статьи книги распределены по четырем разделам: 1. «Имперские и национальные плавильные тигли»; 2. «Группы и институты»; 3. «Формы политической культуры»; 4. «Советские интерлюдии».

В первом разделе предмет исследования — не только еврейское наследие, но и то, что евреи взяли с собой после столетий погружения в восточноевропейские реалии, связанные с субкультурой России и Польши, оказавшей влияние на формирование еврейской политической традиции, культурного облика и ментальности эмигрантов.

Профессор Еврейского университета в Иерусалиме Исраэль Барта́ль (Israel Bartal) в статье «“Малороссия” в Палестине? Имперское прошлое, национальное развитие, национальное будущее (1860–1948)» отмечает, что проекты по переселению евреев на землю в начале XIX в. в Российской империи оказали влияние на последующие еврейские устремления к переселению в Палестину. Задолго до того, как сионистское движение приняло идею превращения евреев в фермеров и поселение их на землю в Палестину, царское правительство, стремясь укрепить власть над Новороссией — еще одной отвоеванной у распадающейся Османской империи территории, — стимулировало миграцию туда евреев из северо-западных губерний черты оседлости. Восприняв некоторые идеи Просвещения, царские власти рассматривали поселение евреев на бывших османских землях в северном Причерноморье как средство «исправления» их от предполагаемого социального паразитизма, превращения в полезных подданных. Подобно тому, как сионистский проект по формированию еврейского крестьянства во многом был обязан планам имперского правительства, **городская культура, сформировавшая облик Тель-Авива, опиралась на опыт Одессы и других портовых городов Новороссии.** Тель-Авив был основан на песчаных дюнах в 1909 г., севернее древнего портового города Яффа. Как и Одесса, Тель-Авив — город без прошлого. За менее чем три десятилетия он превратился в крупнейший еврейский центр в Палестине под Британским мандатом. Его облик сформировали эмигранты из Российской империи. В амбициях в сфере социальной инженерии политической и культурной элиты нового *ишсува*, Барта́ль находит немало общего с амбициями властей Санкт-Петербурга в XIX в.

Японский историк Таро Цуруми в статье «От евреев, написанных через дефис, к евреям по определению: распад Российской империи и изменение отношений между евреями и другими» для иллюстрации намерений сионизма повысить статус евреев в рамках Российской

империи обращается к случаю Даниила Пасманика (1869–1930) — публициста, общественного деятеля, одного из идеологов этого движения. Он выступал за превращение евреев в нацию, способную на формирование союзов с другими национальными группами внутри империи, прежде всего с этнически русскими. Цуруми пишет о двух «неожиданных» явлениях. Во-первых, такие сионистские деятели, как Пасманик, продемонстрировали готовность к сотрудничеству со своими соперниками — еврейскими либеральными деятелями Максимом Винавером и Семеном Дубновым. Некоторое время Пасманик даже участвовал вместе с ними в работе по достижению евреями политических и гражданских прав в России. И это не было чисто тактическим ходом, считает Цуруми. Участие сионистов во внутренней российской политике представляло собой стратегию национального строительства в имперских рамках и, таким образом, служило признаком определенного запаса доверия сионистов по отношению к большинству русского населения. И в этом заключается второе «неожиданное» явление: в отличие от собратьев-евреев во Франции и Германии, еврейский национализм готов был выступать как ведущий солист, а не только как член ансамбля. Цуруми сравнивает положение русских евреев с соплеменниками в западноевропейских странах, социальный успех которых требовал опровержения обвинений в том, что евреи — «нация внутри нации». Пасманик пришел к убеждению, что евреям в России следует представлять себя как нацию среди других народов. Конец подобному развитию положил крах имперского российского государства в 1917 г. Временное правительство и большевистские власти были готовы возглавить многонациональное государство. Главная причина лежит в последовавшей волне антиеврейских погромов в период Гражданской войны (1918–1921). Число жертв было несравненно больше, чем в предыдущие волны погромов. Если прежде многие возлагали вину за организацию погромов 1881–1883 гг. или 1903–1906 гг. на государство,

то теперь это уже было сделать невозможно. Для Пасманика и других сионистов, считает Цуруми, многонациональное русское государство прекратило существование, оставив в качестве единственного варианта независимый поиск суверенного еврейского национального государства на древней родине. Вместе с тем, нельзя не отметить, что деятельность Пасманика как сионистского идеолога в эмиграции не отражала настроений большинства участников движения. Утверждение Пасманика о том, что «все время революции самыми горячими защитниками идеи великодержавной России были наряду с великороссами — евреи», расходилось с реальностью [Пасманик, 1923, с. 245]. Связи Пасманика с правыми кругами русской эмиграции, в том числе и монархистскими, привели к его отчуждению от сионистского движения. Сионистское движение не оправдало надежд, возлагавшихся на него министром внутренних дел В. Плеве и не помешало участию еврейской молодежи в борьбе с самодержавием [Локшин, 1992, с. 42-56]. В принятой в 1906 г. на съезде в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) политической платформе сионистского движения в России предлагалась программа «синтетического сионизма». В нее вошли требования полного гражданского равноправия для евреев и демократизации государственного строя. Тем самым российские сионисты присоединялись к освободительному движению в России. Но основной целью сионизма было государственное возрождение еврейского народа в Палестине. О необходимости продолжения практической работы в стране Израиля в выступлении на съезде говорил и Пасманик [Маор, 1977, с. 238-243].

В названии своей статьи профессор Тель-Авивского университета Анита Шапира «Еврейская Палестина и Восточная Европа: я на Востоке, а мое сердце на Западе» перефразировала строку из цикла стихотворений «Сиониды» средневекового еврейского поэта и философа Йехуды Галеви (1075–1141). Большевицкая революция, отмечает автор, отрезала транснациональное сионистское движение, в том

числе и *ишув*, от России, являвшейся до тех пор его самым важным человеческим резервуаром. Эмиграция из новообразованного СССР превратилась в ручеек. В определенном смысле, сионисты из Российской империи всегда жили на некотором удалении от России. Их подавляющее большинство были выходцами из нерусской периферии, где они жили среди украинцев, поляков, литовцев и других народов. Нередко они представляли Россию через образы Базарова, Карамазовых и Каренина. «Россия стала мифом, — пишет Шапира, — восхищение ею возросло именно потому, что настоящая Россия была недоступна» [Shapira, 2021, с. 74]. У евреев из Польши, доминировавших в волнах иммиграции межвоенного периода, преобладал буржуазный и воинствующий националистический уклад. В отличие от непреходящей романтики русской душевности и вселенской устремленности у левого большинства в *ишув*е польский национализм вызывал неприятие. Однако для правых групп еврейского населения, пишет Шапира, наследие польского этнического национализма во многом являлось формирующим фактором.

Сложным отношениям между польским и еврейским национализмом посвящена статья доктора Маркоса Сильбера (Marcos Silber, Хайфский университет) «Нации без государства: взаимный мотив в польском национализме и сионизме». В существующей историографии сионизм в Польше изображался либо как продукт, привезенный еврейскими иммигрантами из Литвы, либо движение, которое развивалось на местном уровне как еврейский ответ на польский национализм. И по сей день распространено мнение, что современный еврейский национализм опирался на внутренние еврейские идиомы и источники посредством процесса органического обновления изнутри. Сильвер обращается к творчеству польских писателей XIX в., которые, не смирились с судьбой своего народа. Польша была стерта с карты Европы вторгшимися империями России, Пруссии и Австрии. Многие писатели обращались к еврей-

скому мотиву о своем народе, лишенном государства, но, тем не менее, не поверженном и живом. Великий польский поэт Адам Мицкевич, жена которого происходила из еврейской семьи, принадлежавшей к секте Якова Франка, был ключевой фигурой в процессе, представившим восстание Маккавеев на языке современного романтического национализма. Для поколения, ставшего прототипом изгнанников, мечтавших о возрождении польского государства, образ, созданный Мицкевичем о евреях как о нации лишенной государства, как показывает Сильбер, проник в польскую литературу, искусство и общественный дискурс XIX в. И, невзирая на то, что польская культура *fin-de-siècle* обретала все более антисемитские обертоны, созданные в польской литературе образы маккавеев послужили формой, утверждает Сильбер, которую евреи могли «наполнить сионистскими материалами». Соглашаясь с подходами Энгеля и Шапиры, Сильбер прослеживает влияние польского национализма на сионизм с точки зрения его продуктивного, а также исключаящего влияния, которое нельзя не учитывать при обращении не только к правым ревизионистам, но и ко всему политическому спектру *ишува*.

Предположение, что во многом еврейская жизнь в Палестине и Израиле была сформирована восточноевропейским происхождением еврейских иммигрантов, лежит в основе многих работ, а также преобладает в настроениях широких слоев сегментированной общественной памяти Израиля. Тем не менее это мнение нуждается в научном обосновании. Бросая вызов старой парадигме, авторы статей во второй части тома пересматривают чрезмерно детерминированную историю восточноевропейской «трансплантации» на почву Палестины и Израиля, влияния на *ишув* и его институты.

Профессор Ратгерского университета (США) Зива Галили (Ziva Galili) в статье «Парадокс советского влияния: случай кибуца Ха-Шомер ха-Цаир из СССР» касается вопроса о том, как политические чувства и выбор членов кибуца Ха-Шомер ха-Цаир в Палестине на протяже-

нии 1930-х гг. формировались мышлением, порожденным опытом революционной России начала 1920-х гг. И хотя многие социалистические сионистские движения в Палестине черпали вдохновение в революции и формировались под ее влиянием, эта особая когорта была выкована в уникальной атмосфере социально-политического экспериментирования, мобилизации и радикальных общественно-политических изменений в революционной России. Эти люди приехали в Палестину, проникнутые уверенностью в возможности полномасштабного «социалистического строительства», их взгляды характеризует приверженность атеизму и идеологическая последовательность, уверенность, что подходы к классовой борьбе и национальной идентичности должны исходить не из программы идеолога социалистического сионизма Бера Борохова, а из большевистской национальной политики. Галили в деталях реконструирует процесс начала 1920-х гг. в советской России, в результате которого те идеи получили распространение и поддержку со стороны движения Ха-Шомер ха-Цаир. В статье рассматриваются обстоятельства «перевода», по удачному выражению Галили, этого идеологического «наследия» в радикально иной контекст Палестины. Она пишет о влиянии советских марксистских политико-интеллектуальных убеждений на выбор членами кибуца вопросов, касающихся наиболее фундаментальных проблем эпохи для левого сионизма в целом, от отношения социалистических сионистов к растущей власти партии Бен-Гуриона и Берла Кацнельсона *«Ахдут ха-Авода»* до возникновения конфликта между евреями и палестинцами.

Статья израильского исследователя Айрис Браун (Хойзман) «Триумфы консерватизма: Бейт-Яков и польские истоки образования девочек-харедим в Израиле» представляет такое же детальное описание конкретного случая трансплантации и в то же время указывает на совершенно иную тему в истории связей между Востоком и Западом. А именно, на отношения между восточноевропейским еврейским

и израильским ультраортодоксальным, или харедимским иудаизмом. В 1920-е гг. школьная система Бейс Янкев была далека от того, чем она является сегодня в Израиле, отмечает Браун. Под педагогическим руководством ныне забытого Шмуэля Дойчлендера, этот тип школ был близок к направлению современной ортодоксии немецких евреев XIX в., определяемой как «поощрение сочетания иудаизма и общей культуры». Это достаточно гибкое направление оказалось разрушенным более поздней ультраортодоксией. Браун пишет, что на самом деле гуманистическая учебная программа этого педагога была исключена из школ той системы в 1930-е гг. хасидскими лидерами в Польше и ортодоксальной миссией по поддержанию ныне ставшим массовым «Хеврат ха-ломдим» («Общество [мужчин], обучающихся»). Мужчинам этого общества предписывается посвятить себя изучению классических текстов иудаизма. По мере того, как ультраортодоксия набирает силу в современном Израиле, новые поколения ученых обращаются к ее истории, но уже без отягощающего груза своих светских предположений о ее неизбежном закате. Исследователи выходят за рамки бинарного понимания харедимского иудаизма либо как прямого продолжения восточноевропейской ультраортодоксии («живой» или «окаменевшей») как совершенно нового явления.

Статья профессора Еврейского университета в Иерусалиме Бенджамина Брауна (Benjamin Brown) «Хасидское лидерство: от харизматического к наследственному и обратно» представляет собой исследование в области религиозной феноменологии. Б. Браун касается наследственной формы руководства — одной из определяющих черт хасидизма — пиетистского религиозного движения, которое стало доминировать в еврейской религии в Восточной Европе XIX столетия. Хасидизм и сегодня остается центральным движением в постоянно расширяющемся глобальном мире ультраортодоксии. Он рассматривает три типа девиации в XX в.: случаи *цади́ков* — династических на-

следников, также обладавших и необычной харизмой; случаи новых, самостоятельно добившихся известности *цади́ков*; и недавнее явление *маши́ним* — проповедников, которые хотя и не являются *цади́ками*, но привлекают значительное число последователей среди хасидов, и не в последнюю очередь через новейшие средства массовой информации. Б. Браун осторожен, так как эти альтернативы династическому лидерству связаны с мучительным перемещением хасидизма из Восточной Европы в Израиль. Он критически относится к общепринятым предположениям об определяющей силе институциональной среды («контекста») и иллюстрирует недавно появившееся среди исследователей иудаизма убеждение, что к религиозным явлениям в современной еврейской истории следует подходить как к автономным структурам, на которые хотя и могут влиять окружающие условия, но которые также и сами творят историю.

В нескольких статьях книги рассматривается и малоисследованная тема о связях *ишува* с восточноевропейским еврейством. Тем самым меняется направление исследований, предметом анализа становится изучение влияния бурно развивавшегося в период между двумя мировыми войнами *ишува* на восточноевропейское еврейство. Статья историка (Тель-Авивский университет) Роны Йоны «Соединение Польши и Палестины: организационная модель Хе-Халуц» представляет исследование параллельных явлений, возможно, выходящих за рамки социалистической сионистской среды. Во второй половине 1920-х гг. в возникшем в ту пору Объединенном движении *кибуцев* Хе-Халуц в Палестине его единомышленники в Польше были массовой сионистской организацией. В начале 1930-х гг. его руководство, цели и институты в Польше были в значительной степени определены деятелями *ишува*, их идеалами и потребностями.

В соответствии с одной из задач настоящего тома: стремления объединить изучение еврейской диаспоры и Палестины/Израиля, его третья часть посвящена идеям и практике властей,

которые распространялись между Европой и Ближнем Востоком как внутри сионистских кругов, так и за их пределами. Русская революция и создание Советского Союза стали переломным моментом, приведя к запрету сначала на «буржуазную» сионистскую деятельность, а затем и на другие формы еврейского «национализма» в стране. Возрожденное польское государство, возникшее в результате распада империй Восточной Европы после Первой мировой войны, стало демографическим центром еврейской политической активности в Европе. В эпоху между двумя мировыми войнами история сионизма в диаспоре вступила в новую фазу, в результате которой изменилась его история в целом.

Историк Камилль Киджек (Вроцлавский университет) в статье «Насилие как политический опыт среди еврейской молодежи в межвоенной Польше» отмечает, что Польша того времени с ее авторитарным модернизмом и верой в эффективность насилия сформировала политическую культуру сионистов и бундовцев и повлияла на условия еврейской жизни. Насилие также стало внутренним элементом еврейской политической культуры того времени. Часть еврейской молодежи усвоила политическое насилие как часть общего общеевропейского стремления к радикальной преобразующей и принудительной политике. Эти изменения в еврейском политическом опыте проявились и в жизни евреев диаспоры и самого *ишува*, который стал восприниматься как подлинное еврейское сообщество.

Профессор Кеннет Мосс в статье «От сионизма как идеологии к *ишуву* как к факту: переориентации польских евреев на Палестину в самом сионизме и за его пределами, 1927–1932 гг.» рассматривает влияние *ишува* на польское еврейство не с точки зрения самой сионистской идеологии, а с точки зрения вопроса о том, как развитие еврейской общины в Палестине как реального жизнеспособного общества формировали разнообразные формы интереса польских евреев (взгляды многих из них выходили далеко за пределы сионистских устремлений).

В своей статье Михай Кальман, независимый исследователь (Венгрия), обращается к еще одному трагическому аспекту того времени. Он касается вопроса о влиянии на *ишув* и сионистскую идеологию массовых погромов периода Гражданской войны 1917–1921 гг. в бывшей Российской империи, особенно на Украине. Это беспрецедентное насилие оказало сильное влияние на еврейское самосознание, на усилия по обороне, которые были столь же беспрецедентными по масштабу и организации. Автор исследует сложное и спорное место погромов в памяти иммигрантов в межвоенном *ишуве*. Кальман пишет о неоднозначном их восприятии. Хотя погромы эпохи Гражданской войны были более масштабными и привели к гораздо большему количеству жертв, в сионистском нарративе в *ишуве* они затмевались погромами 1881–1884 и 1903–1906 гг., связанными с первой и со второй аией — волнами еврейской эмиграции в Палестину. В *ишув*е и Израиле, особенно в первые десятилетия его существования, память о самообороне на Украине использовалась для воспитания милитаризма и национального самосознания.

В последний раздел книги, посвященный «советскому наследию» вошли статьи профессора медицинского университета в Токио Тидзуко Такао (Chizuko Takao) «Американские евреи и сионистское движение в Советском Союзе: Джойнт и Хе-Халуц в Крыму в 1920-е гг.» и профессора Бенджамина Натанса «Отказники и правозащитники: евреи и советское движение инакомыслящих». Авторы этих статей обращаются к первым и последним десятилетиям советского эксперимента. Такао исследует еврейские сельскохозяйственные поселения в Крыму, которым оказывала помощь американская благотворительная организация — Объединенный распределительный комитет (Джойнт). В то время многим казалось, что крымская колонизация представляет собой реальную альтернативу сионистскому проекту в Палестине. Такао указывает на общее стремление сионистов и еврейских советских деятелей вырастить новых евреев —

пионеров коллективного труда. Еврейские сельскохозяйственные поселения в Крыму оказались наиболее близкими к воплощению советского видения коллективного сельского хозяйства. Они на несколько лет опередили систему, навязанную Сталиным в годы первой пятилетки. Этот эксперимент осуществлялся при поддержке Джойнта, представителей ишува и советского правительства.

Натанс исследует непростые отношения между новым поколением советских евреев — тех, кому советские власти отказали в выдаче выездных виз, известных как «отказники», и более широким советским правозащитным движением за гражданские права и права человека. Значительная часть активистов были евреями, что в пропагандистской литературе представлялось как «еврейский» (или «сионистский») заговор [Nathans, 2021, с. 372]. Самими же сионистами в СССР участие евреев в общем диссидентском движении воспринималось негативно, как проявление ассимиляции. Столетием ранее похожие оценки прозвучали в России в адрес евреев-участников русского революционного движения. Пока существовал советский режим, пишет Натанс, взаимная критика в диссидентском движении была приглушена. Мемуары, опубликованные до 1990-х гг. отличает явная сдержанность в этом отношении. С исчезновением СССР у ряда диссидентских деятелей начали появляться прежние обиды. В то время как сионисты в Советском Союзе приводили свои доводы в пользу «репатриации», советские правозащитники обратились к более универсальному праву человека на свободу передвижения, включая свободу покидать и возвращаться в свою страну. Несмотря на то, что участники тех движений были разделены конкурирующей логикой коллективной репатриации и индивидуальных прав, многие активисты в СССР на личном уровне были тесно связаны друг с другом и зависимы от одних и тех же структур, которые поддерживали их за рубежом.

Эмиграция советских евреев, основная масса которых направилась в Израиль и США, стала

отражением, отмечает Натанс, исторического состязания между двумя парадигмами человеческого сообщества: один, основанный на идеале этно-религиозной консолидации в предположительно коренной территории («репатриации»), другой — на идеале индивидуального выбора («прав человека»).

Советское еврейское эмиграционное движение в контексте анализируемых в том отношении между Востоком Европы и Ближним Востоком, является признаком более широкой конкуренции между миром национальных государств и силами глобализации [Nathans, 2021, с. 373].

К началу 1970-х гг. еврейское национальное движение все более раскалывалось, замечает Натанс, возникли разногласия между т. н. «культурниками», стремившимися укрепить еврейскую жизнь в СССР путем возрождения еврейской культуры и языка иврита, и «политиками», уверенными в том, что эмиграция в Израиль — единственный выход. Это был «раскол», который напомнил историку раскол начала XX в. между теми, кто считал возможным и необходимым решение еврейского вопроса в странах диаспоры, и теми, кто был убежден, что оно должно произойти путем массовой еврейской эмиграции на историческую родину. Отличие, и весьма кардинальное, состояло в том, что с середины прошлого столетия Израиль был уже не фантазией, а реально существовавшим государством.

Многие из участников движения «культурников» сыграли роль в становлении новых форм еврейской общественной, религиозной, культурной жизни, в деятельности самых разнообразных обществ, организаций, периодики, издательств, работе учебных заведений, общинных центров, в развитии академической иудаики, в создании благотворительных фондов в позднем Советском Союзе, новой России и государствах на постсоветском пространстве [Членов, 2011, с. 168–176; Зеленина, 2015; Костырченко, 2019, с. 64, 214–221; Локшин, 2021, с. 142–145]. С 1990 гг. проявления постсоветской еврейской идентичности продолжают влиять на развитие

еврейских общин в США, Германии и других странах. Важную роль в процессе возрождения на постсоветском пространстве играли некоторые израильские институты и религиозные деятели, ученые–гуманитарии из Израиля, Северной Америки, Австралии и других государств. Впрочем, далеко не всегда возникновение новых еврейских организаций вызывало энтузиазм у правящих израильских кругов [Levin, 1996; Кедми, 2012]. Однако недавние репатрианты из России и других стран принимают активное участие в общественно–политической, деловой и культурной жизни Израиля, установлении и развитии контактов со странами, где родились, выросли и получили образование.

Редакторы книги стремятся пересмотреть понимание запутанной истории восточноевропейского еврейства в связи между транснациональным движением, которым стал сионизм, и обществом поселенцев, из которого возник современный Израиль. Некоторые главы настоящего тома посвящены изучению сложных отношений между Востоком Европы и Ближним Востоком, увеличив его региональную вариативность, обращая внимание на различия при обращении к польскому и российскому наследию при изучении сионизма и других форм еврейского национализма. Польское и российское наследие следует рассматривать в имперском пространстве, чтобы показать, что пути этих стран радикально расходятся в 1917 г.: Польша формируется как национальное государство, а Россия становится на путь создания совершенно нового типа государства — союза социалистических республик. Новые государственные образования влияли на формирование еврейских представлений о государственности и коллективном труде.

В других главах книги делается акцент на межрегиональных еврейских мирах, обращение к которым вряд ли дает возможность классифицировать их в контексте дефиниций «польский еврей» или «русский еврей». Здесь речь идет о представителях хасидского и ультраортодоксального еврейства. Они продемонстрировали

неожиданную стойкость как в период до Холокоста в Восточной Европе, так и в современном Израиле, где оказывают все более усиливающееся влияние на израильское общество. Наряду с другими группами, развитие которых рассматривается в этом томе, они напоминают, что история еврейской миграции с Востока Европы на Ближний Восток не может быть сведена к истории еврейского национализма или к развертыванию европейского имперского проекта. Следует, считают авторы книги, понимать миграцию не только как однонаправленное движение людей, но круговорот идей и практики.

Редакторы отдают себе отчет и в том, что в томе не хватает исследований, посвященных арабскому и палестинскому населению. Однако книга отражает текущее состояние исторического знания. Редакция считает, что эти темы должны стать насущной повесткой будущих исследований. Кардинальная сложность и главная черта современной еврейской истории, отмечается в рецензируемой книге, состоит в ее транснациональном переплетении и связи с историями других народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Зеленина Г. С. *Иудаика два. Ренессанс в лицах*. М.: Книжники, 2015. — 560 с. [Zelenina G. S. *Judaic Two. Renaissance in Persons*. Moscow: Knizhniki, 2015. — 560 p. (in Russian)].

Кедми Я. *Безнадежные войны*. М.: Эксмо, 2012. — 126 с. [Kedmi Ya. *Hopeless Wars*. Moscow: Eksmo, 2012. — 126 p. (in Russian)].

Костырченко Г. В. *Тайная политика: от Брежнев до Горбачёва. Советские евреи: выбор будущего*. Ч. II. М.: Издательство «Международные отношения», 2019. — 479 с. [Kostyrchenko G. V. *Secret Politics: From Brezhnev to Gorbachev. Soviet Jews: The Choice of the Future*. Part 2. Moscow: Izdatel'stvo "Mezhdunarodnyye Otnosheniya", 2015. — 479 p. (in Russian)].

Локшин А. Е. *Евреи в отечественной истории. Очерки по истории и культуре евреев Российской империи, Советского Союза и Российской*

Федерации. Конец XVIII – начало XXI века. М.: ИВ РАН, 2021. — 400 с. [Lokshin A. E. *Jews in National History. Essays on the History and Culture of Jews in the Russian Empire, Soviet Union and Russian Federation. The End of 18th-the Beginning of 21st Centuries*. Moscow: IV RAN, 2021. — 400 p. (in Russian)].

Локшин А. Е. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX-начале XX в.). *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1992. № 1. С. 42–56. [Lokshin A. E. Shaping Politics (Tsarist Administration and Zionism in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries). *Vestnik of the Jewish University in Moscow*. 1992. No 1. Pp. 42–56 (in Russian)].

Маор Й. Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. — 473 с. [Maor Y. *The Zionist Movement in Russia*. Jerusalem: Biblioteka-Aliya, 1977. — 256 p. (in Russian)].

Пасманик Д. С. Русская революция и еврейство: большевизм и иудаизм. Париж: Франко-русская печать, 1923. — 256 с. [Pasmanik D. S. *The Russian Revolution and Jewry: Bolshevism and Judaism*. Paris: Franko-Russkaya Pechat, 1923 — 256 p. (in Russian)].

Членов М. А. Об одном забытом проекте (социологическое исследование советских евреев

1976 г.). *Диаспоры*. 2011. № 2. С. 168–176. [Chlenov M. A. On One Forgotten Project (Sociological Study of Soviet Jews in 1976). *Diasporas*. 2011. No. 2. Pp. 168–176 (in Russian)].

A History of the Jewish People. Ed. by H. H. Ben-Sasson. Harvard: Harvard University Press, 1976. — 1170 p.

From Europe's East to the Middle East: Israel's Russian and Polish Lineages. Ed. by Kenneth B. Moss, Benjamin Nathans, and Taro Tsurumi. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021. — 361 p.

Levin A. *Envoy to Moscow. Memoirs of an Israeli Ambassador. 1988-1992*. London: Routledge, 1996. — 417 p.

Nathans B. Refuseniks and Rights Defenders: Jews and the Soviet Dissident Movements. *From Europe's East to the Middle East: Israel's Russian and Polish Lineages*. Ed. by Kenneth B. Moss, Benjamin Nathans, and Taro Tsurumi. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021.

Shapira A. Jewish Palestine and Eastern Europe: I Am in the East and My Heart in the West. *From Europe's East to the Middle East: Israel's Russian and Polish Lineages*. Ed. by Kenneth B. Moss, Benjamin Nathans, and Taro Tsurumi. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021.

